

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Андрееenkova
УНИКАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ОБЩИЕ ТРЕНДЫ В СФЕРЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — кандидат политических наук, заместитель директора ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований), Руководитель ESS (Европейское социальное исследование) в России. E-mail: anna.andreenkova@cessi.ru

За 20 лет проведения политических и экономических реформ, политическая культура стран бывшего Советского Союза существенно изменилась. Насколько велики эти изменения и насколько они идут в сходном направлении как между самими странами постсоветского пространства, так и по сравнению с другими Европейскими странами, является предметом анализа данного выступления. Для анализа использованы данные опросов четырех волн ESS (Европейского социального исследования), которое проводится в России каждые два года с 2006 г. и включают Россию, Украину, Латвию, Литву и Эстонию. В целом данные говорят о том, что страны постсоветского региона движутся примерно в том же направлении в своей политической жизни, что и другие страны Восточной Европы, вставшие на путь развития демократии примерно в тот же период конца 80-х-начала 90-х годов. Однако существенные различия по политической оси «Восток и Запад» в Европе все еще сохраняются почти по всем социальным индикаторам и за последние 10 лет различия меньше не становятся.

Наибольшие сходства между странами обнаружены на «входе» в политическую систему (используя терминологию Истона) — в отношении интереса граждан к политике, потреблении политической информации, базовых политических установках. Основные же различия находятся в области политической участия и «выхода» политической системы — оценке эффективности системы в целом, доверия отдельным ее институтам.

Одним из ключевых отличий политической культуры постсоветских стран и «старых» демократий является низкий уровень неэлекторального политического участия (в среднем 25% участвующих по сравнению со средней в 50% в развитых демократиях Европы). И этот разрыв не становится меньше, а скорее увеличивается за счет того, что политическое участие в постсоветских странах в последние годы экономического кризиса имеет даже тенденцию к снижению, что остро ставит вопрос о стабильности таких демократий и ее дальнейших перспективах в этом регионе. Природа политического участия в постсоветских странах и других странах Европы также различна. Если в «старых демократиях» и даже большинстве стран Восточной Европы участие граждан в политике связано с интересом граждан к политике и укрепляет связь граждан с политическими институтами страны, ведет к увеличению доверия политической системе в целом, то в постсоветских странах (кроме

Эстонии) политическое участие связано с негативным взглядом и отношением населения к политической системе. Постсоветское пространство в отношении построения новой политической культуры неоднородно. Эстония представляет пример успешного преодоления многих проблем, характерных для ранних этапов построения демократии, и медленно, но последовательно показывает рост всех значимых показателей демократической политической культуры. В других странах этот процесс идет не столь успешно и зачастую в противоположном направлении.

И.Э. Бекешкина
ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В УКРАИНЕ: ПРЕДВИДИМОЕ И
НЕПРЕДВИДЕННОЕ

БЕКЕШКИНА Ирина Эриковна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии НАН Украины, директор Фонда «Демократические инициативы» им. Илька Кучерив . E-mail: Iryna@dif.org.ua

Выборы для социологов имеют особое значение. Это не только заработки и повышенное внимание СМИ, но и возможность проверить свои методики, ибо результаты выборов – самый надежный критерий их надежности и адекватности.

В Украине почти каждые выборы преподносят социологам сюрпризы. Достаточно хорошо прогнозируются две «половинки, на которые разделился электорат после президентских выборов 2004 г.: условно говоря, «постпомаранчевую» (те, кто голосовал за Ющенко на президентских выборах 2004 г., преимущественно – украиноязычные, ориентирующиеся на европейскую интеграцию) и, условно говоря, «пост-бело-голубую» (те, кто голосовал за Виктора Януковича в 2004 г., преимущественно русскоязычные, ориентированные на сближение с Россией).

И если на «бело-голубом» пространстве до последнего времени почти монополично правила Партия регионов, то на «помаранчевой» половине конкуренция всегда была высока, а рейтинги политических субъектов были очень подвижны и связаны по принципу сообщающихся сосудов. Удачные или неудачные действия и выступления лидеров могли резко изменить соотношение сил, и социологи далеко не всегда успевали зафиксировать эти изменения.

Выборы 2012 г., как и предыдущие парламентские выборы, тоже принесли немало нового. В последний день, когда было разрешено обнародовать рейтинги (в Украине – за 10 дней до дня выборов) Фонд «Демократические инициативы» собрал на Круглый стол всех руководителей социологических фирм Украины, которые занимались избирательной кампанией. Все они сделали свои прогнозы относительно возможных результатов выборов.

Насколько различались эти прогнозы? И насколько они отличались от результатов выборов?

Все социологи были согласны в том, что первое место по партийным спискам займет Партия регионов, прогнозы колебались в пределах 30–33%. Реальный результат – 30,00%. Не расходились и прогнозные оценки Коммунистической партии Украины – 11–13%. Реально получила 13,18%.

А вот результаты в «постпомаранчевом» электоральном пространстве предсказать оказалось значительно труднее. Последние предвыборные опросы давали приблизительно одинаковый результат ОО «Батькивщина» (партия Юлии Тимошенко) и «УДАР» Виталия Кличка, поэтому и абсолютное большинство прогнозов ориентировались на этот результат, прогнозируя, что ОО «Батькивщина» получит несколько более высокий результат (19–24%), чем «УДАР» (18–20%).

О результате ВО «Свобода» (националистическая партия) мнения существенно разошлись: большинство социологов считали, что результат будет немногим выше избирательного барьера (5–7%), один из социологов «дал» этой политической силе результат в 9%, а трое не видели их в будущем парламенте вовсе.

Реально ВО «Свобода» получила 10,44%, а во всех 6 проведенных экзит-поллах — вообще 12% (заметим, что «Свобода» как непарламентская партия не имела своих представителей в избирательных комиссиях). Естественно, результат «Свободы» стал наибольшим сюрпризом выборов.

Неожиданные для социологов результаты, прежде всего — «Свободы» еще раз поставили вопросы, которые возникали и на предыдущих выборах, при несоответствии социологических прогнозов и реальных результатов: можно ли полагаться в прогнозах преимущественно на данные социологических опросов? Каких индикативных вопросов не доставало для более точного разграничения близких электоратов? Правомерно ли социологам базировать свои прогнозы не только на данных опросов, но и — прошлого опыта, интуиции и других, не просчитываемых факторов?

Объяснения относительно значительно более низкого, чем показывали данные опросов результата «УДАРа» можно объяснить вполне социологически: почти половину его электората в опросах составляла молодежь в возрасте до 30 лет, которая является ненадежным электоратом, к тому же значительная часть городской молодежи проживает не по месту регистрации. А вот более высокий, чем прогнозировалось, результат «Батькивщины», а особенно — почти двукратный отрыв от «УДАРА», с которым перед выборами шли вровень — это вопрос, на который нет однозначного ответа. Некоторые объясняют значительный рост рейтинга «Батькивщины» во вторую половину последнего месяца удачной телерекламой, напоминающей, что это — партия Юлии Тимошенко. Однако проблема в том, что эта политическая сила Юлии Тимошенко на всех выборах набирала больше, чем ей прогнозировали — и на выборах 2006 и 2007 гг. (как блок Юлии Тимошенко), да и сама Тимошенко во втором туре президентских выборов в 2010 г. набрала лишь на 3% меньше, чем Янукович. Что является причиной «окончательного выбора»? Находки политтехнологов? Влияние харизмы? Особая организованность и явка западного сельского электората? Однозначно ответить сложно. Но очевидно, что на этот не до конца объясненный «фактор Тимошенко» необходимо делать поправку при прогнозах.

Однако настоящим сюрпризом выборов стал результат партии «Свобода» — 10,44%. Надо сказать, что партия не была новичком на выборах, скорее — старожилом: на первых партийных выборах 1998 в составе блока «Меньше слов» она набрала 0,16%, в 2002 г. выдвигала только мажоритарных кандидатов (провела одного депутата Олега Тягнибока), в 2006 г. набрала 0,36%, на внеочередных выборах 2007 г. — 0,76%. А уже через 5 лет, в 2012 г., результат увеличился более чем в 10 раз!

Окончательный результат был неожиданным еще и потому, что почти всю избирательную кампанию не доходил до избирательного барьера и только в последних опросах достиг 5–6% среди тех, кто собирался участвовать в выборах.

Что же произошло? Резкий рост сторонников националистической идеологии, как это восприняли за пределами Украины? Действительно, в структуре электората «Свободы» две трети — украиноязычные избиратели, но 25% — двуязычные, а 11% — чисто русскоязычные. Более того, среди чисто русскоязычных за «Свободу» проголосовали 3% (т.е. при прежнем барьере это означало, что партию украинских националистов привели бы в парламент сугубо русскоязычные граждане).

Что же произошло такого, что не учли социологи? Основных гипотез было две. Первая — что при приближении партии к избирательному барьеру избиратели, ранее не собиравшиеся голосовать за «непроходных», решили оказать ей поддержку (такая ситуация

произошла на выборах в 2002 г. с Блоком Юлии Тимошенко). Вторая гипотеза – что выбор «Свободы» был спонтанным протестным голосованием.

Эти гипотезы были проверены в постизбирательном опросе Фонда «Демократические инициативы». Данные в таблице четко показывают, что основной причиной выбора партии «Свобода» было восприятие ее как наиболее радикальной протестной силы, причем эти причины выдвигают как избиратели «Свободы», так и население в целом. Очевидно, что в будущих избирательных опросах должен быть индикатор не просто протестного потенциала (по этому показателю электорат «Свободы» не отличалась от электората «Батькивщины»), а – протестного радикализма, отношения к силовым методам борьбы и пр.

Впрочем, выборы в Украине, которые до сих пор остаются действительно соревновательными, могут принести немало неожиданностей, в том числе и социологам.

Таблица 1 Как Вы полагаете, почему избиратели проголосовали за партию «Свобода»? (Можно было отметить не более трех возможных причин)*

Предполагаемые причины голосования за партию «Свобода»	Избиратели «Свободы»	Население Украины
Это был протест против власти, и «Свобода» казалась наиболее радикальной	41,9	30,9
Избиратели разделяли националистическую идеологию этой партии	23,7	12,9
«Свобода» близко подошла к избирательному барьеру, и если бы она его не преодолела, оппозиция могла потерять почти 5% голосов	7,5	10,3
Избиратели разочаровались в парламентских партиях, а «Свобода» не была в Верховной Раде	27,5	19,2
«Свобода» хорошо зарекомендовала себя в тех местных советах Западного региона, где у нее большинство	31,2	15,6
Избиратели знали, что среди депутатов «Свободы» не будет предателей	20,6	10,9
Избирателей привлекали предложения этой партии	26,9	9,3
В обществе вообще возрастает национальная нетерпимость и агрессия	9,4	9,9
Избиратели хотели, чтобы в Верховной Раде была политическая сила, способная на драки и другие силовые действия	5,0	5,0
Избирателей привлекали кандидаты в списке этой партии	5,6	3,7
Скорее всего, это был все-таки стихийный выбор	0,6	6,7
Другое	1,8	1,1
Трудно сказать	0,6	18,4

*Общенациональный опрос был проведен Фондом «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива вместе с социологической службой Центра Разумкова з 21 по 24 декабря 2012 г. Было опрошено 2009 респондентов во всех областях Украины, Киеве и АР Крым по выборке, репрезентативной для взрослого населения Украины (старше 18 лет). Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,3% с вероятностью 0,95.

А.А. Кислая

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В УКРАИНЕ: ПАРАДОКС «WITHOUT OF THE DYNAMICS»

КИСЛАЯ Анна Александровна. — кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Института социологии, психологии и социальных коммуникаций Национального педагогического университета им. М. Драгоманова. E-mail: kisla_anna@mail.ru

Принцип этнической принадлежности это легкий и четкий способ выражения истинного чувства групповой идентичности, которая связывает всех «нас», потому что подчеркивает наше отличие от «них».

Э. Хобсбаум

Украина в течение 20 лет своего статуса независимой державы является заложником двух противоположных по своему содержанию тенденций развития: этнонационального развития и тенденции развития гражданской нации. Причин этому обстоятельству две. Первая: тенденции совпали во времени, а логика цивилизационного развития предполагает последовательность в виде развития и складывания национального государства, а затем построения государства гражданской нации, в котором «работающим» конструктом является не этническая идентификация, а идентификация «я гражданин этого государства». Сложность реализации двух противоположных тенденций развития создает для украинского государства проблемы и является одной из причин дезинтеграции украинской державы. Как результат, ставшее почти привычным разделение на Восток–Запад в политическом дискурсе, конфликт векторов геополитического развития: вектор интеграции с Европой, вектор интеграции с Россией.

Вторая причина. Необходимость в одном временном пространстве строить этнонациональное государство с титульным этносом во главе и строить государство гражданской нации с доминантой «я — гражданин Украины» тормозит развитие обеих тенденций. В итоге, в Украине сложилась ситуация «асимметрии развития», что стало предметом социологического анализа. Институт социологии НАН Украины с 1992 г. проводит мониторинговое исследование «Украинское общество», в котором замеряет типы и иерархию идентификации населения Украины. Предлагаемыми маркерами идентификации являются ответы на вопрос **«Кем Вы себя, в первую очередь, считаете?»**: «жителем села, района или города в котором Вы живете», «жителем региона (области или нескольких областей)», «гражданином Украины», «представителем своего этноса, нации», «гражданином бывшего Советского Союза», «гражданином Европы», «гражданином Мира».

Заявленный в названии «парадокс без динамики» заключается в том, что в презентации этнической идентификации украинского населения за 8 лет (с 2002 г. по 2012 г.) отсутствует динамика, которая иллюстрировала бы социальный заказ в обществе на этнонациональное развитие.

Таблица 1 Динамика доли ответов «Я представитель своего этноса, нации» на вопрос «Кем Вы себя, в первую очередь, считаете?»

	2002	2004	2005	2006	2008	2010	2012
Я представитель своего этноса, нации	3,0%	3,1%	2,1%	1,8%	2,6%	3,1%	1,75%

Никакие политические и экономические процессы в Украине, в первую очередь, Оранжевая революция, не способствовали росту процента тех, кто считает важным для себя этническую идентификацию и, соответственно, построение этнонационального государства.

Таблица 2 Маркеры самоидентификации населения Украины, %

«Кем Вы себя, в первую очередь, считаете?»	1992	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2010	2012
Жителем села, района или города в котором Вы живете	24.0	31.3	31.6	30.5	24.6	27.7	24.5	27.2	30
Жителем региона (области или нескольких областей)	6.8	6.9	5.9	6.7	6.4	6.6	9.3	6.6	8
Гражданином Украины	45.6	41.0	41.0	44.2	54.6	51.6	51.7	51.2	48
Представителем своего этноса, нации	-	-	3.0	3.1	2.1	1.8	2.6	3.1	1.75
Гражданином бывшего Советского Союза	12.7	12.2	12.7	10.7	8.1	7.3	9.0	6.9	8
Гражданином Европы	3.8	2.8	0.7	0.7	0.8	1.3	0.4	0.9	1.25
Гражданином мира	6.4	5.6	2.7	2.4	2.5	2.9	1.7	3.1	2.45
Иное,	-	-	1.6	1.4	1.0	0.7	0.6	0.8	0.55
Не ответили	0.6	0.2	0.8	0.2	0.1	0.1	0.1	0.3	-

Идентификация, которая презентует установку на построение государства гражданской нации является доминантной в наборе идентификаций украинского населения, но эту идентификацию презентуют всего лишь 51.2% населения (данные 2010г.). За 20 лет социологического мониторинга (с 1992г. по 2012г.) процент тех, кто идентифицирует себя гражданами Украины вырос всего на 5.6% и практически это только половина населения страны.

В период радикальных социальных трансформаций, индивид «уходит» от идентификации с Max-group к идентификации с Micro-group (группы ближнего социального окружения).

О.В. Китайцева, А.В. Кученкова
**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
МОЛОДЕЖИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

КИТАЙЦЕВА Ольга Вячеславовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: olga_kitaitseva@mail.ru

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: a.kuchenkova@rggu.ru

Глубокие рыночные и демократические преобразования в современных постсоциалистических обществах породили существенные сдвиги в комплексе представлений о социальной реальности. Произошла девальвация одних и возвышение других ценностей, потребностей, интересов, предпочтений. Молодое поколение восточноевропейских стран выросло в новых социально-экономических условиях. Важными показателями, характеризующими успешность адаптации молодежи к новым реалиям, выступают ценностные ориентации и установки, а также уровень межличностного доверия, как ближайшему окружению (родственникам, друзьям), так и большинству незнакомых людей. В этой связи понятна **цель** исследования: сравнить уровни доверия и доминирующих ценностных ориентаций молодежи России, Польши, Украины, Литвы, Чехии используя в качестве эмпирической базы результаты международного сравнительного исследования, организованного Щецинским университетом [1].

Обычно, в межстрановых сравнительных исследованиях постсоциалистические страны Восточной Европы объединены в одну группу, что обусловлено сходством установок населения внутри нее. В нашем исследовании осуществлена попытка обратить внимание на внутреннюю неоднородность этой группы, а также сосредоточить все внимание только на молодых людях, которые в ближайшие десятилетия станут основой общества.

Исследования, посвященные проблематике доверия, как правило, направлены на изучение видов доверия, которые классифицируются по определению различных адресатов доверия. В данном случае исследование затрагивает два уровня измерения межличностного доверия: «общее общественное доверие», которое понимается как мировоззренческая установка на доверие к незнакомым людям и «особое межличностное доверие», которое определяется как доверие индивида к своему ближайшему окружению, членам семьи и родственникам. Подобное разграничение [2] стало общепризнанным в социологических исследованиях. Общим для представленных стран является превышение среднего уровня особого межличностного доверия над общим общественным, что характерно для обществ переживающих трансформационные процессы (см. рис. 1).

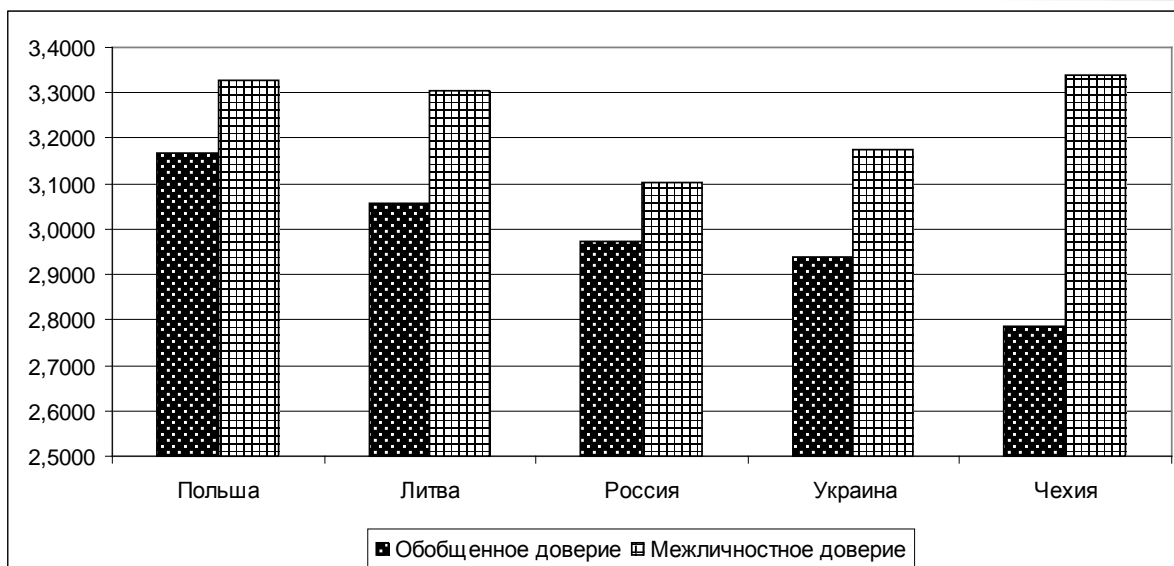

Рисунок 1 — Уровень общего общественного и особого межличностного доверия¹

В то же время молодежь Польши и Литвы демонстрирует более высокие показатели уровня доверия по сравнению с Россией и Украиной. Рассматривая величину общего общественного доверия как один из основополагающих факторов, обуславливающих экономический рост и темпы формирования социального капитала можно сказать, что разница между этими двумя парами стран (Польшей и Литвой, Россией и Украиной) отражает значительные успехи первой пары на пути рыночных и демократических преобразований. Объяснение низкого значения уровня общего общественного доверия у молодежи Чехии, которая при этом демонстрирует самый высокий среди всех стран уровень особого межличностного доверия, видимо следует отнести, к специфике социализационных процессов молодого поколения и особенностям посттрансформационного развития этой страны.

Если особое межличностное доверие возникает в ситуациях взаимодействия лицом к лицу, то общее общественное доверие, формируясь под воздействием норм и ценностей, принятых в обществе, является показателем развития культуры доверия в нем. Подобный ракурс позволяет рассмотреть социальное доверие сквозь призму индивидуальных ценностей разделяемых большинством молодых членов общества.

Индивидуальные ценности в представленном исследовании отражают убеждения человека в важности лично для него некоторого объекта или явления, равнодушие к тому, или иному аспекту действительности.

С помощью факторного анализа, представленные в базе данных оценки респондентов степени важности для них 25 ценностей, были сгруппированы в шесть укрупненных блоков (ценностей второго уровня интеграции) так, что полученная модель объясняла 54,5% общей дисперсии. Использование специальных индексов, вычисляемых

¹ Согласно проведенному дисперсионному анализу статистически значимые различия (на уровне 0,01) между средними уровнями общего общественного доверия отсутствуют между Россией и Украиной, и Россией и Литвой. Для остальных пар стран разница в уровне этого вида доверия является значимой. Что касается межличностного доверия, то средний уровень этого показателя значимо не отличается в России и Украине, Украине и Литве, Литве, Польше и Чехии.

как средние взвешенные по переменным, входящим в каждый из факторов, проведенное по методике Шварца [3, с. 4–19], позволило получить число, отражающее, насколько та или иная ценностная ориентация (*индивидуализм и самовыражение, самоутверждение, семья, помощь окружающим, инфантилизм, гедонизм*) важна для респондента по сравнению с важностью всех ценностей в среднем. Затем были вычислены средние значения индексов по странам. Удаленность положительных значений индексов от нулевой отметки указывает на возрастающую важность той или иной ценности по отношению ко всем ценностям в целом для респондентов из одной страны. И наоборот, если индекс меньше нуля, то *ценность менее важна, чем все ценности в среднем* (рис. 2).

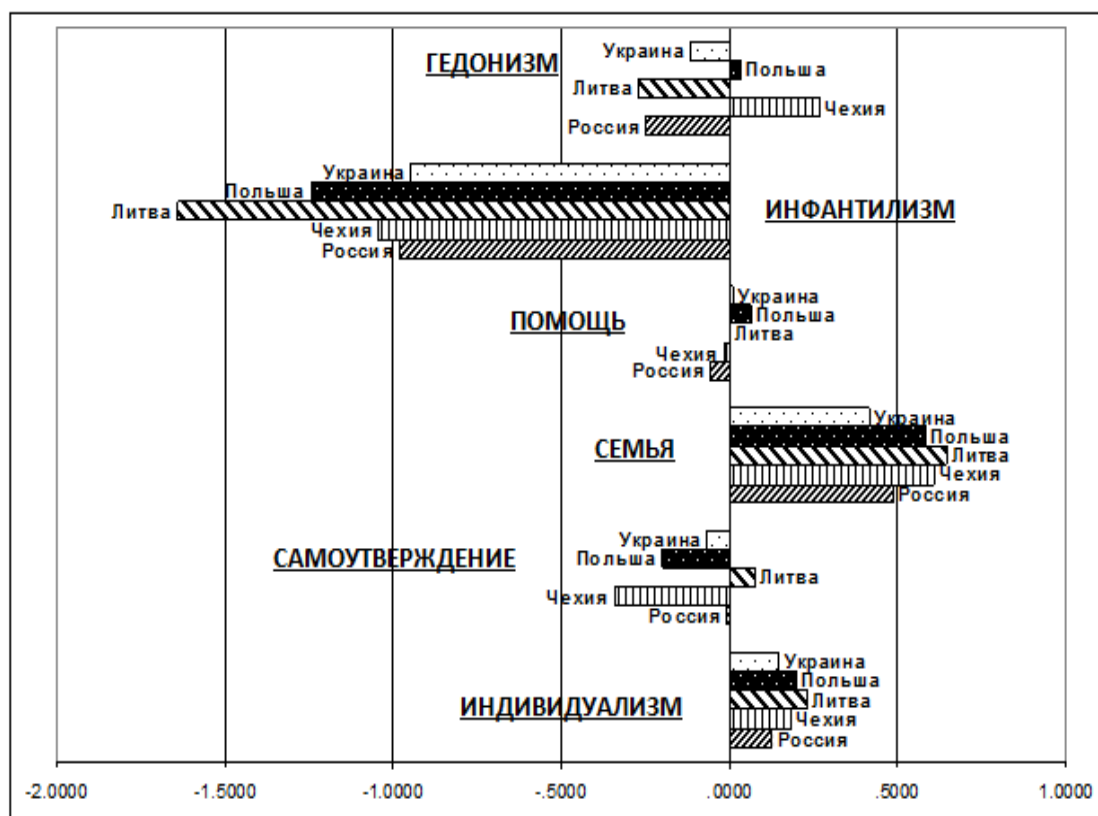

Рисунок 2 – Ценностные профили стран

Для молодежи рассматриваемых постсоциалистических стран семейное благополучие и стабильность, эмоциональная близость с родственниками оказались самыми значимыми из всех выделенных ценностных ориентиров. Наивысшее значение индекса показывают Литва, Чехия, Польша у Украины и России он ниже.

Индивидуализм, включающий самостоятельность, свободу в принятии решений и ответственность за них оказался на втором месте по значимости для молодежи большинства рассматриваемых стран. Как и в случае с семейными ценностями эта ценность в большей степени поддерживается в Латвии, Чехии, Польши и в меньшей — в России и Украине. Необходимо подчеркнуть, что ценность индивидуализма является одной из самых важных на современном этапе развития обществ, так как свидетельствует о формировании активных молодых людей способных к успешной интеграции в динамичную западную цивилизацию.

Доминирование для респондентов во всех странах с одной стороны ценности индивидуализма, самовыражения, с другой стороны — семейного благополучия и стабильности является проявлением антиномичности [4, с. 3–18], характерной для нормативно-ценностной системы обществ, претерпевающих преобразования. Формирование институтов рыночной экономики привело к актуализации индивидуалистических ценностей, тем не менее, неблагоприятные факторы, инициированные трансформационными процессами, сформировали потребность в надежном тылу, в близких людях, родственниках.

Таким образом, в постсоциалистических обществах процесс адаптации к новым социальным условиям протекает с разной скоростью и разной степенью успешности. Так страны бывшего Варшавского договора и Прибалтики (Польша, Чехия, Литва) став частью единой европейской политической и экономической системы, нарастили большой социальный потенциал, который позволил им обогнать страны бывшего Советского Союза (Россию и Украину) по уровню сформированного общего общественного и особого межличностного доверия. Это стало возможным благодаря тому, что в этих обществах процесс трансформации ценностных приоритетов, в частности распространение ценностей индивидуализма проходит быстрее.

Литература:

- 1 Научно-исследовательский проект “Социальное доверие: между теорией и практиками”, поддержанный грантом Комитета научных исследований Польши, реализуемый в 2009-2012 гг Щецинским университетом под руководством д.с.н. О.Н.Козловой, автор инструментария опроса — адъюнкт Альберт Тереляк. Опрос студентов вузов России, Польши, Украины, Литвы, Чехии организованный. Общий объем выборочной совокупности составил 5118 чел. Время проведения февраль-май 2010.
- 2 См. *Sztompka P.* Society in action: the theory of social becoming. Cambridge, 1991 ; *Delhey J., Newton K, Welzel Ch.* How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem // *American Sociological Review* 2011. — 76: 786 — 807; *Алексеева А.* Уверенность, обобщенное и межличностное доверие : критерии различения // *Социальная реальность.* — 2008. — №7. — С.85-98; *Рукавишников В.О.* Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // *Социологические исследования.* — 2008. — № 2. — С. 17-25
- 3 *Schwartz S. H., Verkasalo M., Antonovsky A., Sagiv L.* Value Priorities and Social Desirability: Much Substance, Some Style // *British Journal of Social Psychology.* 1997. Vol. 36, No 1.
- 4 *Тощенко Ж. Т.* Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России // *Социологические исследования.* 2010. № 12.

Н.Р. Маликова
РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ СТУДЕНЧЕСТВА
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

МАЛИКОВА Наиля Рамазановна — доктор социологических наук, Высшая школа современных социальных наук (факультет) МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: nrmalikova@mail.ru

Кросс — культурные исследования социального доверия носят междисциплинарный и международный характер. Для реализации НИП, по инициативе коллег из Щецинского университета (рук. — д.соц. наук, проф. О. Н. Козлова) вполне обоснованным был выбор объекта исследования. Не случайно это студенчество Польши, Литвы, России, Украины, Чехии (n=5000).

- 1 Во-первых, респондентами стали представители стран, которые сравнительно недавно и практически одновременно преодолели различные варианты формы социалистического социально-политического государственного устройства.
- 2 Во-вторых, это первое молодое поколение граждан, родившихся и/или выросших в независимых пост социалистических обществах, не испытавших кризиса «советской идентичности».
- 3 Наконец, в-третьих, ресурсы социального доверия, потенциал социального капитала представителей именно этой социально-возрастной когорты — студенчества, являются определяющими факторами для определения вектора социального развития в ближайшем будущем, когда они, как «профессионалы» с университетским образованием, пополнят ряды «среднего класса» и гражданского общества.

Социолог Дж. Коулмэн, раскрывая суть 3-х разновидностей капитала (физического, человеческого и социального), уточняет, что происхождение социального капитала связано с изменениями отношений индивидов и облегчением совместной деятельности. «Социальный капитал» «не осязаем», он включен в структуру социальных и социально-психологических отношений. Идеи Коулмэна важны для понимания функционального взаимодействия общества, культуры и университетского образования. Он изучал ценностные ориентации молодых людей перед поступлением в университет и в период его завершения, полагая, что в зависимости от организации университетского социума будут различаться и индивидуальные достижения и последующая карьера студенческой молодежи. По его мнению, существуют скрытые связи между ценностями вузов и ценностями общества. Роль университетов состоит не только в том, чтобы транслировать культурные ценности, но и быть доверительной средой их формирования (Coleman, 1988, 1990).

Социальный капитал способен оказывать влияние на другие формы капитала, способствует благосостоянию и конкурентоспособности нации (Лебедева, 2009; Татарко, 2011). Основу социального капитала составляет внутригрупповое *социальное доверие*. Группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна

совершить намного больше, по сравнению с группой, не обладающей данными качествами (Коулмэн, 2001). Польский социолог Петр Штомпка подчеркивает, что «доверие — это ставка на то, как другие поведут себя в будущем» (Sztompka, 1999:75).

Каковы основные социальные функции доверия? На межличностном уровне — коммуникативная функция создания эффективного взаимодействия, ускорения социального обмена. На институциональном уровне — интеграция группы, общности и общества в целом.

Обращаясь к понятию «доверие», в качестве основного компонента теоретического осмысления ресурсного потенциала «социального капитала», мы попытаемся дать содержательную интерпретацию результатов исследования ресурсов социального доверия и ценностных ориентаций студенчества 5 стран. По результатам исследования лидерами позитивного мировосприятия, отличающегося высоким ресурсом социального доверия стали поляки. Сразу же отметим, что этот вывод распространяются и на область общественных контактов и институциональных отношений. За ними вплотную следуют литовцы (67%), россияне (64%) и наименее открыты общественным контактам и доверчивы украинцы (56%) и чехи (52%).

Институциональный уровень доверия к основным политическим, государственным институтам падает у всех, но и здесь поляки чуть более толерантны, а украинцы наиболее критичны. Наименьший порог доверия у студентов всех 5 стран к налоговой политике государств (5–10%).

В области мировоззрения более высокий уровень доверия бурят, позволил повысить интегрированные общероссийские показатели и вывести позицию российских студентов на срединное 3-е место, после индексов доверия поляков и литовцев. Показатели доверия русских и украинских студентов очень близки по все параметрам. В целом, аутсайдерами ресурса альтруизма в мировосприятии, установлению общественных контактов, стали более индивидуалистичные чехи.

Показателями уровня доверия в локальной жизнедеятельности распределены следующим образом. Велик удельный вес тех, кто разделяет позицию: «Лучше, чтобы соседи знали как можно меньше о моей частной жизни» и среди бурят, и среди русских (по 66%). Чужими считают своих земляков менее половины студентов Москвы и Саратова, 40% русских студентов. Доля бурят, не ощущающих своей локально-территориальной идентичности со своими земляками, почти вдвое меньше (22%). Оттого буряты и больше доверяют им, полагая что «жители их городов/районов — это в основном порядочные люди» (49%). У русских это мнение разделяет менее трети опрошенных. Такое же число респондентов-бурят (32%) верят, что при необходимости многие земляки бескорыстно оказали бы им помощь, Среди русских уверенность в альтруизме горожан столичного мегаполиса и саратовцев на порядок меньше (22%). Более того почти каждый третий русский студент, напротив, считает, что если бы в их городе/районе с ними случилось что-нибудь плохое, люди, видя это, не помогли бы.

Ресурсы доверия в сфере общественных контактов у русских и бурят близки. Оптимисты преобладают, утверждая, что обычно встречают больше хороших людей, чем плохих — 65% бурят и 63% русских. В условиях рыночных отношений и растущей конкуренции в сфере трудовых отношений, представители обеих культур, не склонны быть коллективистами и избыточно доверчивыми. Институциональное доверие к политическим институтам, структурам исполнительной, судебной власти и правоохранительным органам, к

эффективности налоговой политики среди россиян довольно существенно различается: у бурят показатели доверия вдвое, втрое выше, чем у русских.

К доминирующим традиционным ценностям относится институт семьи: показатели ценностных ориентаций высоки, но чуть выше показатели в провинции. Как показало исследование, в новом поколении российских студентов снижаются показатели важности альтруистических коллективистских ценностей, такие как «возможность помогать людям», участвовать в «распространения общественных ценностей добра, справедливости, знания, но сохраняется потребность в ценности «уважения людей» (81-85%), «ощущения своей нужности» (81-86%). Растут ориентации на такие индивидуалистические ценности, как: «возможность развития собственных интересов» (82–86%), «ценность независимости, индивидуализма» (79–83%); «не позволять себя обманывать политикам, вождям и т.д. (76–80%)». Иерархия ценностей в кластере гедонизма/эгоизма представлена по степени убывания: «место, дающее ощущение безопасности свободы; «свобода в удовлетворении собственных желаний; «приятное времяпрепровождение»; «развлечение в веселой компании»; «спокойствие, отсутствие обязательств»; «как можно меньше ситуаций, в которых необходимо принимать трудные решения»; «минимум усилий при достижении цели».

Конкурируют с ними новые ценностные ориентации на достижение личностного роста, социальных статусов («работа, соответствующая интересам»; «возможность самосовершенствования»; «контроль над ситуацией»; «работа, которая дает большие возможности карьерного роста; «чувство собственной незаменимости на работе/компетентность, профессионализм»; «самостоятельное принятие решений»; ценность инновационного поведения — «поиск нового и захватывающего»; «творческая работа, позволяющая создавать новое, оригинальное»; «власть, возможность организовывать работу, распорядиться и управлять другими»).

В целом, россияне демонстрируют большую степень «горизонтального» доверия (семья, дружба, локальные социальные сети общения). В значительно меньшей мере им свойственно «вертикальное» доверие (правительству, милиции, суду, всем ветвям власти). Ведущим фактором является уровень межличностного доверия. Именно он сопряжен у молодежи с ощущением благополучия, роста благосостояния, удовлетворенности жизнью.

Может ли изучение такого важного компонента социального капитала как — доверие приблизить нас к пониманию того, каков социальный капитал общества в целом? Скорее это поможет описать фрагмент социальной реальности, некую реактивную ситуацию, «среднюю температуру», по одному из сегментов российского университетского социума. Но, при этом «за кадром» остаются не проясненными вопросы: Каков механизм формирования социального капитала? Существуют ли продуктивные возможности для его формирования в конкретном университетском социуме? Как компенсируется взаимодействие при снижении уровня социального доверия национальными государственными университетами?

Для поиска ответов на эти вопросы о ресурсах воспроизводства отношений доверия, лежащих в основе социального капитала группы, сообщества, необходима в дальнейшем более тесная международная кооперация усилий социологов разных стран в осуществлении междисциплинарной интеграции, интенсификации научно-исследовательских контактов и обмена методами сбора, обработки, анализа и интерпретации данных кросс-культурных исследований.

Литература:

- 1 Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий//Общественные науки и современность. 2001. №3.
- 2 Лебедева Н.М, А. Н. Татарко. Социальный капитал: Теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009.
- 3 Патнем Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь//Международная экономика и международные отношения. 1995. — №4;
- 4 Татарко А. Н. Социальный капитал. М.:МАКС-ПРЕСС, 2011.
- 5 Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ-Ермак, 2004.
- 6 Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000.
- 7 Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 448 с.

М.Г. Мацкевич
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РАЗНЫХ
СТРАН

МАЦКЕВИЧ Мария Георгиевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН. E-mail: mmatskevich@yandex.ru

По данным эмпирических исследований, Вторая мировая война является важным событием, присутствующим в коллективной памяти всех стран, в которых проводились исследования. Однако значимость этого события различна для стран Западной и Восточной Европы, США и Израиля [1, 3, 4, 7, 9–13].

В большинстве стран память о Второй мировой войне дифференцируется в зависимости от нескольких социально-демографических факторов, которые равным образом являются дифференцирующими и для памяти о других исторических событиях: поколенческая принадлежность, образование, регион, а в зависимости от вопроса большую или меньшую роль играют расовая и религиозная принадлежность. Наиболее значимо влияющим фактором является поколенческий. Так, например, в Западной Европе и США вероятность того, что Вторая мировая война будет названа главным событием XX в. (первый или второй выбор в открытом вопросе), выше среди старших поколений, а чем моложе респондент, тем менее вероятно, что он в первую очередь назовет Вторую мировую войну [7, 10, 11, 13].

Однако уже в исследованиях постсоветских стран наблюдается другое отношение и другая значимость событий Второй мировой войны (необходимо отметить, что рассматриваемые исследования проводились по другой методике). Прежде всего, для населения этих стран значимым событием является не столько Вторая мировая, сколько Великая Отечественная война, т.е. временные рамки события ограничиваются 1941–1945 гг. Значимое отличие от стран Западной Европы заключается и в том, что поколенческие различия, весьма существенные в остальных сюжетах коллективной памяти, в данном случае практически незначимы. Более 90% населения информированы о событиях 1941–1945 гг., и информированность практически не различается в зависимости от поколения. С другой стороны, для стран бывшего СССР наблюдается значительная межстрановая дифференциация в интерпретациях событий и последствий Второй мировой войны [3].

Однако именно в России, по данным всех социологических центров, обнаруживается феномен, не наблюдавшийся практически ни в одной другой стране. В отношении к Великой Отечественной войне отсутствует значимая дифференциация социальных групп. Ни поколенческая принадлежность, ни уровень образования, ни регион, ни тип поселения, ни прочие социально-демографические факторы практически не оказывают влияния на отношение к данному событию. Ряд исследователей отмечают, что, при том, что коллективные представления об общем прошлом являются традиционной основой построения идентичности, память о Великой Отечественной войне в России — единственное событие, которое не разделяет, но объединяет различные социальные группы, прежде всего — различные поколения [2; 6; 5].

Среди стран бывшего СССР только в Белоруссии можно отметить сходную значимость для коллективной памяти одного события. Для Белоруссии таким событием

является не столько Великая Отечественная война в целом, сколько партизанское движение на ее территории [3].

В то же время, есть еще одна страна, в которой коллективная память об одном событии времен Второй мировой войны является основой для национальной идентичности и отношение к этому событию практически не дифференцировано в разных группах. Эта страна — Израиль, событие — Холокост [12]. Как российские, так и зарубежные исследователи в своих интерпретациях ведущую роль в формировании вышеописанной ситуации приписывают политике памяти, осуществлявшейся на протяжении последних десятилетий.

Литература:

- 1 Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас, 2005, №2-3 (40-41).
- 2 Дубин Б. Две даты и еще одна. Символы прошлого как индекс отношения россиян к переменам // Вестник общественного мнения. 2006. № 5 (85). С. 18–26.
- 3 Евразийский монитор. Волна 11. Восприятие населением и молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов (аналитический отчет, август 2009 г.) <http://eurasiamonitor.org/rus/research/event-162.html>
- 4 Кениг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас, 2005. № 40-41. <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>
- 5 Миллер А. Изобретение традиции: Георгиевская ленточка и другие символы в контексте исторической политики// Pro et Contra, 2012. №55. С. 94-100.
- 6 Феретти М. Память «подправляется» представлениями о том, кем нам хочется быть. Уроки истории, 2009. <http://www.urokiistorii.ru/current/view/2009/09/maria-ferretti>. Время доступа: 25.08.2012.
- 7 Фон Киршхофер А. Население стран Европы о Второй мировой войне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005, №2. С. 67-70.
- 8 Черепанова Р. Советский опыт на постсоветском пространстве памяти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011, №6. С. 66-75.
- 9 Эхтернкамп Й. “Немецкая катастрофа”? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии// Неприкосновенный запас, 2005. № 40-41. <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ek9.html>
- 10 Ester, P. and Vinken, H. and Diepstraten, I. Reminiscences of an Extreme Century. Intergenerational differences in time heuristics: Dutch people’s collective memories of the 20th century// Time & Society. 2002. Vol.11 (1): 39-66.
- 11 Schuman, H. and Scott, J. Generations and Collective Memories // American Sociological Review, 1989. Vol. 54: 359–81.

- 12 Schuman, H. and Vinitzky-Seroussi, V. and A.D.Vinokur. Keeping the Past Alive: Memories of Israeli Jews at the Turn of the Millennium // Sociological Forum, 2003. Vol. 18, No. 1, March 2003: 103-36.
- 13 Scott, J., and Lilian Zac. Collective memories in Britain and the United States // Public Opinion Quarterly, 1993. Vol. 57:315–331.

М.А. Федосеева
РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА
(НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОРЛЕ
И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

ФЕДОСЕЕВА Маргарита Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НОЦ «Теоретическая и прикладная социология, доцент кафедры «Социология, культурология и политология» Государственного университета — учебно-научно-производственный комплекс. E-mail: fedoseevama@mail.ru

Несколько стереотипным является видение поляка российскими студентами. Среди черт, которыми его наделили студенты, выделяются отрицательные (*очень гордый, скупой, скрытный, имеет крутой нрав, агрессивный, алчный, мстительный*) и положительные (*гостеприимный, терпимый, рассудительный, храбрый, приверженец традиций, честлюбивый, точный, аккуратный, веселый, общительный, тот же русский, только говорит непонятно*). В ряде случаев студенты (особенно столичная молодежь) давали описание характеристик внешности, а не характера. Один из студентов так описал типичного, по его мнению, поляка: *«Крупное телосложение, крутой нрав»*. Также питерские студенты в своих ответах особо подчеркивали, что поляк это все-таки европеец.

Получившийся неоднозначный портрет может свидетельствовать о том, что опрошенная молодежь не имеет сложившегося представления о поляках. Можно предположить, что подобная ситуация является свидетельством отсутствия знания о представителях польской нации, в связи с тем, что студенты не посещали эту страну. И действительно, на вопрос «Посещали ли вы когда-нибудь Польшу» большинство респондентов дали отрицательный ответ. Лишь 11 опрошенных имели подобный опыт.

На вопрос «С кем у вас ассоциируется Польша (писатели, режиссеры, актеры, певцы)» чуть более 40% респондентов не смогли дать никакого ответа, что является определенным свидетельством отсутствия знаний или интереса к польской культуре в молодежной среде.

Среди наиболее часто упоминаемых людей, с которыми студенты ассоциируют Польшу можно отметить: *Эдиту Пьеху, Анну Герман* (для орловских студентов), а также *Януша Леона Вишневого* (для питерских студентов). Не популярными, но при этом показывающими определенное знание польской культуры были ответы: *Фредерик Шопен, Анджей Сапковский, Адам Мицкевич, Барбара Брыльска*. При ответе на этот вопрос имело место и просто указание категорий: *писатели, режиссеры, актеры, певцы*, но уточнить данную информацию респонденты не смогли. Только один студент упомянул одного из крупнейших кинематографистов послевоенного времени, выросшего в Польше — *Романа Полански*.

Как положительный можно рассматривать тот факт, что некоторые молодые люди вспомнили старые польские фильмы и мультфильмы. Среди них *«4 таксиста и собака», «Лелик и Болик»*. Один из представителей питерской молодежи упомянул спектакль *«Варшавская мелодия»*.

В ходе опроса выявились некоторые затруднения при определении национальности ряда известных людей. Так, как поляка орловские студенты воспринимают американца *Ч. Паланика*. Как польский у отдельных представителей студенческой молодежи ассоциируется

мультфильм про крота. Вообще можно отметить, что для части студентов сложно было отделить польских деятелей культуры от представителей других Восточно-Европейских стран, в частности, Болгарии, Чехии, Словакии и других.

На вопрос «Есть ли у вас желание посетить Польшу и почему» были получены разные ответы. Приблизительно 40% опрошенных студентов не имеют желания посетить Польшу. Причем, и этот факт вызывает определенную тревогу, с одной стороны, они ничего не знают об этой стране, ее истории, культуре, а с другой не испытывают потребности в получении подобных знаний. Среди часто встречающихся ответов таких представителей можно привести следующие: *«Нет желания», «Нет, зачем»*.

Другая категория опрошенных студентов дала утвердительный ответ о посещении Польши. Тем не менее, здесь можно говорить о выделении ряда подгрупп. Для первой подгруппы именно путешествие в Польшу представляет ценность, определенный туристический интерес. Для таких студентов характерно стремление узнать культуру страны, познакомиться с польским народом, его наследием, историей. Иллюстрацией вышесказанного служит следующий ответ орловчанина: *«Желание, возможно есть, просто поинтересоваться, как живут там люди, чем страна знаменита, какие достопримечательности»*. Не отказались бы от подобного путешествия и представители питерской молодежи. В ходе опроса была выявлена определенная зависимость между желанием посетить Польшу и наличием такого опыта. Практически все, кто уже побывал в этой стране, хотят посетить ее еще раз.

Для второй подгруппы не характерно разграничение Польши и любой другой страны. Главной целью в этом случае является просто путешествие само по себе или даже отъезд из России. Эта позиция отчетливо прослеживается в ответе орловской студентки: *«Да. Причина — куда угодно, только бы из России»*.

При оценке перспектив российско-польских отношений на ближайшие 3-5 лет студенты не смогли прийти к однозначному мнению. Приблизительно 34% респондентов видят положительные тенденции в наших взаимоотношениях. С их точки зрения это может создать основу для построения конструктивного диалога, хотя и при условии совершения определенных шагов навстречу друг другу. По словам одного из респондентов, *«на ближайшие 3-5 лет, ... отношения между Россией и Польшей устоятся, но если Россия поведет себя некорректно, как она поступает со многими странами (долги), то это долго не продлится»*. Питерские студенты даже сделали попытку указать конкретные шаги нашего дальнейшего взаимодействия: *«Надо налаживать контакты в экономической сфере...»*.

Вторая группа респондентов настроена не столь позитивно. Часть из них дали удовлетворительную оценку перспективам российско-польского сотрудничества. Другие рассматривают дальнейшее развитие отношений России и Польши как бесперспективное, не очень хорошее.

Третья группа опрошенных студентов не смогли определить позитивные или негативные предпосылки созданы для нашего взаимопонимания.

Подводя некий итог, можно отметить, что для многих представителей студенческой молодежи, причем как столичного, так и провинциального города российско-польская проблематика не является в достаточной степени известной. Молодые люди мало знают о нашей совместной истории, культуре, наследии и современных отношениях. На наш взгляд, для преодоления таких трудностей необходима организация различного рода научных, культурных, просветительских мероприятий, способствующих лучшему пониманию друг друга. Достаточно перспективным является организация поездок студентов в Польшу для

углубления знаний об этой стране, знакомства с ее жителями и преодоления имеющихся негативных стереотипов.

В.И. Федоров

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЭЛЕКТОРАТА НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА США (НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2012 г.)

ФЕДОРОВ Владислав Иванович – эксперт по электоральному поведению избирателей, Институт приоритетных региональных проектов. E-mail: vladislavfedorov.t@gmail.com

Данная работа выполнена на основе комплекса методологических подходов псефологии. Анализ выборов президента США, состоявшихся 6 ноября 2012 г., проходит в трех измерениях при помощи статистических, социологических и географических методик. В логике кросс-темпорального исследования были проанализированы итоги 29 президентских выборов на предмет определения долгосрочных трендов поляризации голосования.

Поляризация электората

В США усиливаются процессы поляризации общества, это проявляется в экономических, социокультурных, демографических показателях разницы между самыми богатыми и самыми бедными, между белым и цветным населением, как следствие растет и политическая поляризация. Голосование избирателей разных штатов приобретает все больше различий.

Региональное распределение популярности двух главных кандидатов на пост президента США — это образец крайностей. Вариации результатов голосования в США велики, демократы и республиканцы разделяют страну на два электоральных лагеря. Для точного измерения уровня поляризации голосования существует ряд верифицируемых математических процедур, одной из наиболее удачных является среднее квадратичное отклонение. На последних президентских выборах этот показатель очень высок и превышает 11 пунктов.

Для того чтобы понимать, насколько велик уровень поляризации голосования на президентских выборах разных лет, необходимо выявить долгосрочные тренды политической поляризации. В связи с этим хронологические рамки анализа охватывают период 1900–2012 гг.

Итак, поляризация электората стала непрерывно расти с 1988 г., а ее нынешний уровень соответствует первым послевоенным выборам 1948 г. Причины усиления различий в голосовании кроются в изменении структуры электората. В конце 1990-х гг. на выборах стали сказываться последствия социально-демографического и экономического сдвига. За последние 40 лет доля цветного населения возросла в 2 раза, в 1,5–2 раза увеличилось представительство черных и латиноамериканцев в среднем классе, в бизнес элите появились черные миллиардеры, испанский язык стал на равных конкурировать с английским. Эти изменения привели к росту политической активности представителей меньшинств, их электоральный вес приближается к 30% и будет расти в дальнейшем [16]. Неслучайно Б. Обама предстает в образе объединителя противоположностей.

Чтобы понимать структуру электората США и региональные особенности голосования обратимся к двум важнейшим направлениям псефологии — электоральной географии и политической социологии.

Электоральная карта

Рисунок голосования на электоральной карте США не претерпел значительных изменений. Большинство колеблющихся штатов, как и в 2008 г., проголосовали за Б. Обаму. Штаты «Библейского пояса» традиционно поддержали республиканцев — сельская Америка голосовала за М. Ромни, а жители городов преимущественно за Б. Обаму.

В целом, голосование за Б. Обаму эклектично и рассредоточено по территории страны несколькими анклавами. С 1990-х гг. существуют две традиционные зоны поддержки демократов. Это северо-восток и штаты Тихоокеанского побережья, которые отличаются природными характеристиками, но схожи по социально-экономическому портрету населения. Районы с высоким уровнем урбанизации поддерживают Б. Обаму, потому что признают в нем политика, ориентированного на либерально-инновационной курс, близкий по стилю жизни населению мегаполисов.

За М. Ромни проголосовали избиратели Среднего Запада и Юга. Поддержка М. Ромни имеет ярко выраженную географическую зависимость. Если посмотреть на карту, то можно выделить континентальные районы со сходными природными, демографическими и экономическими характеристиками. Прежде всего, мы говорим о консервативных белых избирателях, живущих в сельской местности, о т.н. «Настоящей Америке». Большое значение в голосовании республиканских избирателей играет идентификация по признаку веры: за М. Ромни проголосовали штаты «Библейского пояса», протянувшегося от Техаса и Оклахомы на западе до Северной и Южной Каролины на востоке, где большинство жителей — это WASP.

Политическая социология

«Он заботится о таких людях, как я» — пожалуй, центральная характеристика переизбранного президента, взятая из анкет социологов. В ответ на кризис, Б. Обама предложил американцам щедрый пакет социальных благ: для молодежи беспроцентные кредиты на образование, пособия для безработных, налоговые льготы для лиц с низким доходом, право на аборт для женщин, доступные медицинские услуги для всех граждан США.

На протяжении всей избирательной кампании результаты социологических исследований фиксировали, как росло одобрение работы действующего президента: с 45% в январе до 52% перед выборами. В соревновании рейтингов между кандидатами позитивные изменения для М. Ромни стали происходить только после дебатов, первый раунд которых он провел более уверенно. Несмотря на успешные дебаты, по опросам большинства полстеров, М. Ромни отставал от Б. Обамы на 2–3% вплоть до 6 ноября [14].

Нельзя не упомянуть и об особом фоне последних дней избирательной кампании. За неделю до выборов на США обрушился ураган Сэнди, который спутал карты предвыборному штабу республиканцев. В экспертном сообществе появилось утверждение, что ураган станет решающим фактором в пользу победы демократа. В самое «избирателиемкое» предвыборное время Обама примерил на себя роль российского Шойгу, что укрепило его рейтинг и имидж деятельного кризис-менеджера.

Нетрадиционные меньшинства

По оценкам социологов, как минимум 5% американских избирателей идентифицируют себя как геи, лесбиянки или бисексуалы. Экзит-поллы, проведенные социологической службой «Нью-Йорк Таймс», свидетельствуют о том, что 76% представителей сексуальных меньшинств предпочли архаичному М. Ромни либерального Б. Обаму [10]. Еще 20–30 лет назад традиционное словосочетание «национальные меньшинства» употреблялось как прилагательное к афроамериканцам, латинос и азиатам. Раньше этнические электоральные группы мало что решали, теперь наоборот, точно также будет и с сексуальными меньшинствами — их значение будет усиливаться.

Литература:

- 1 Arrow K. Social Choice and Individual Values. N.Y.: Wiley, 1951.
- 2 Black D. The Theory of Committees and Elections. Cambridge Univ. Press, 1958.
- 3 Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., Harper and Row, 1957.
- 4 May K. A Set of Independent Necessary and Sufficient Conditions for Simple Majority Decision. // *Econometrica*, 1952, № 20.
- 5 McKelvey R. Intransitivities in Multidimensional Voting Models. // *Journal of Economic Theory*, № 12, 1976, P. 72-78.
- 6 Plott Ch. A Notion of Equilibrium and Its Possibility under Majority Rule // *American Economic Review*, 1967, № 57.
- 7 Электронный ресурс: Вашингтон Пост <http://www.washingtonpost.com>.
- 8 Электронный ресурс: ГЭЛЛАП <http://www.gallup.com>.
- 9 Электронный ресурс: Что думает мир <http://today.yougov.com>.
- 10 Электронный ресурс: Проект Нэйта Сильвера «538» <http://fivethirtyeight.blogs.nytimes.com/>.
- 11 Электронный ресурс: США сегодня <http://www.usatoday.com/interactives/news/politics/how-the-race-was-won>.
- 12 Электронный ресурс: Электоральная статистика президентских выборов в США <http://www.presidency.ucsb.edu/elections.php>.
- 13 Электронный ресурс: Университет штата Иллинойс <http://electionanalytics.cs.illinois.edu/election12/index.html>.
- 14 Электронный ресурс: Принстонский электоральный проект <http://election.princeton.edu/>.
- 15 Электронный ресурс: структура электората США <http://www.presidency.ucsb.edu/data/turnout.php>.
- 16 Электронный ресурс: Бюро переписи населения США <http://2010.census.gov/2010census/>.